

ИЗ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ЩЕДРИНА

Сообщение Ю. Соколова

Среди элементов, образующих стиль щедринской сатиры, значительное место занимает фольклор. Использование пословиц, поговорок, насмешливых слов народной речи, усвоенных частью непосредственно, частью же через те или иные литературные источники, сопровождает творчество Щедрина на всем его протяжении — от «Губернских очерков» до «Пошехонской старины». Характер и методы использования Щедриным фольклорного материала крайне своеобразны и сложны. В ряду вопросов, относящихся к этой важной проблеме изучения стиля Щедрина, наибольший быть может интерес представляет изучение взглядов Щедрина на пословицы и поговорки как на своеобразные конденсаты обывательской, «уличной» философии. Этот взгляд определил сатирическое использование враждебных по своему социальному содержанию изречений народной мудрости в целях разоблачения тех черт национального характера, которые были неприемлемы для Щедрина (см. например в «Истории одного города» главу «О корени происхождения»). Следует указать, что вопрос о фольклоре как стилеобразующем элементе сатиры Щедрина до сих пор не поставлен в научной литературе. Мало того: до сих пор не собран и не систематизирован самый фактический материал, подлежащий исследованию. С этой точки зрения бесспорный интерес представляет публикуемый нами листок с записями русских пословиц и поговорок, сделанный рукою Салтыкова-Щедрина. По свидетельству Е. Кислицыной, сообщившей редакции «Литературного Наследства» этот документ, автограф представляет собою рукопись, по внешнему своему виду (бумага и почерк) относящуюся к 50-м годам. Лист сохранился в архиве М. М. Стасюлевича, хранящемся в ИРЛИ Академии Наук. Всех пословиц и поговорок 52. Большинство их, именно 47, приведено в алфавитном порядке, одна вставлена не на свою букву, а 4 приписаны вне алфавита в конце рукописи. Приводим полностью текст документа, оговаривая в квадратных скобках вычерки и пометки, сделанные в рукописи самим Салтыковым.

Ах, да рукою мах, а на том реки не пересечь.

Ах, ты, бабушка-старушка, напиталась твоя душка — пора умирать!

Баба подходит, всем толку пособит.

Без тебя, как без рук: и плюнуть не на что.

Богослов да не однослов.

Болят бок девятый год, да не знаю в котором месте.

Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду [зачеркнуто чернил.].

Была бы спина, а то будет вина.

Было время: выпьешь, сколько подымеешь, а нынче, сколько глазом окинешь [зачеркн. чернил.].

Беда не дуда — станешь дуть, слезы идут.

Бедняк что муха — где забор там и двор; где щель там постель [зачеркн. чернил.].

Взял боженьку за ноженьку, да и об пол [зачеркн. карандаш., сбоку крестик].

Возвысил бог куликов род [зачеркн. чернил.].

Вот нос — для двух рос, а одному достался.

Все бы тебе даром да шаром: даром-то и чирей не сядет, а все прежде почешется.

Где бес не сможет, туда бабу пошлет.

Генеральской курицы племянник [зачерки. каранда.].

Давали убогому холст, а он говорит: толст; так сказали: поищи потоне.

Дожидайся Юрьева дня: пока рак свистнет.

Дурак спит, а счастье у него в головах лежит.

Еремья потчуют умея: взяв за ворот да взашей [зачерки. каранда.].

Есть умок сладенько съест, да рыльце коротко [зачерки. чернил.].

Женился, как на льду обломился.

Женина только и тягла: пошла да спать легла.

Живем богато — со двора покато; чего ни хватись, за всем в люди покаться [зачерки. чернил.].

Жил семь лет, выжил семь реп, да и тех нет [зачерки. чернил., сбоку крестик].

Зовут, зовут да покличут, а потом и в нос потычут [зачерки. каранда.].

Издали ни то ни се, а что ближе, то гаже [зачерки. чернил.].

И комар лошадь повалит, когда медведь пособит [зачерки. каранда., сбоку крестик].

Лгать не мякина — не подавишься.

Лежи в грязи, а не брызжи.

Люби, не люби, а почаще взглядывай.

Мне бы денежек с рубль, да бумажек с пуд, да золотица что-нибудь [зачерки. чернил. сбоку крестик].

Народу! Народу! точно людей!

Не плачь, козявка! только сок выжму!

Овец не стало, и на коз честь напала.

Пили, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк [сбоку крестик].

Раздайся, грязь! навоз ползет! [зачерки. каранда.].

Рот нараспашку, язык на плечо!

Свекровь снохе говорила: невестушка! полно молоть, отдохни — потолки!

Сколько мужика ни вари — все сыростью пахнет [зачерки. чернил.].

Слава Богу! пожил на свете, посрамили людей, пора и честь знать.

Сохлись: отец — перец да мать — горчица.

У них всякого нета запасено с лета.

Хлеб брюха не проест.

Человек он умный: на пусто не плюнет, а все в горшок да в чашку.

Что за оплеуха, коли не достала уха.

Или рыбку съест или на мель сесть [сбоку крестик].

Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Все купишь, только отца с матерью не купишь.

Глаза не сыты.

Е. Г. Кислицына, сообщившая рукопись, высказала предположение, что она представляет собою список лично Салтыковым собранных и приведенных в алфавитный порядок пословиц. Но именно этот алфавитный порядок заставил меня сразу предположить, что мы имеем дело по всей вероятности лишь с выписками из какого-либо печатного научного сборника, в котором пословицы печатались по алфавиту. Как известно, знаменитый сборник «Пословиц русского народа» В. И. Даля, во-первых, вышел в 1861 г., а во-вторых, содержит пословицы не в алфавитном расположении, а по тематическим рубрикам. Но все-таки я пытался сверить список Салтыкова-Щедрина с далевским сборником и обнаружил всего лишь совпадение в четырех случаях. Таким образом крупный научный пословичный свод эпохи Салтыкова-Щедрина приходится отнести.

Больше шансов увенчаться успехом, казалось бы, имела попытка обратиться к другому большому сборнику, именно к изданным еще в 1848 г. «Русским народным пословицам и притчам» И. Снегирева, напечатанным в алфавитном порядке. Но ни в этом сборнике, ни в опубликованном через 9 лет (1857 г.) дополнении к нему («Новый сборник пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и

притчей, изданных в 1848 г. И. Снегиревым») за исключением одной пословицы почти никаких соответствий не нашлось. Однако просматривая алфавитный сборник пословиц, приложенный к статье Ф. И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки» («Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым». Книга вторая, половина вторая. Москва, 1854), мне удалось с несомненностью установить, что все 47 пословиц, алфавитно расположенных в списке Салтыкова-Щедрина, выписаны им из буслаевского сборника. Выписаны они совершенно точно за исключением двух случаев¹, четыре же пословицы, находящиеся в списке Салтыкова-Щедрина вне алфавита, соответствия в сборнике Буслаева не имеют и повидимому выписаны Салтыковым просто по памяти.

То обстоятельство, что Салтыков-Щедрин выписал громадное большинство пословиц из печатной научной книги и таким образом оказался не собирателем-фольклористом, а лишь внимательным читателем научной литературы, нисколько не умаляет, как мы сейчас увидим, большого значения составленного им списка. Просматривая его, мы легко можем установить неслучайность этих выписок.

Составленный им список ярко отражает художественные вкусы, психологические склонности и мировоззренческие особенности великого сатирика.

Произведенный Салтыковым-Щедриним подбор пословиц и поговорок до поразительности соответствует общему стилю его собственных художественных произведений. Это тот поэтический материал, который с определенной художественной целью извлечен знаменитым писателем из богатейших запасов устного творчества.

Тематическое содержание выписанных Салтыковым-Щедриним пословиц отвечает излюбленной тематике его литературных произведений. Тут и тема о мужике и его сопоставление с привилегированными «культурными» слоями общества: «Сколько мужика ни вари — все сыростью пахнет», тут и проблема бедности, нищеты, убожества: «Бедняк, что муха: где забор, там и двор, где щель, там постель», «Живем богато — со двора покато; чего ни хватись, за всем в люди покатись», «Жил семь лет, выжил семь реп, да и тех нет», «Давали убогому холст, а он говорит: толст; так сказали: поищи потоне» (смысл тот, что бедняк принужден довольствоваться тем, что дают), «Хлеб брюха не проест»; тут и тема безропотности масс, терпения, примирения со своим жалким положением: «Лежи в грязи, да не брызжи». Еще ярче выражена столь часто разрабатывавшаяся Салтыковым тема эксплуатации, насилия, произвола, эгоизма, неблагодарности: «Не плачь, козявка! только сок выжму!», «Была бы спина, а то будет вина», «У них всякого нета запасено с лета», «Зовут, зовут, покличут, а потом и в нос потычут», «Еремея потчуют умея; взяв за ворот, да взашею», «Пили, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк», «Все бы тебе даром да даром: даром-то и черей не сядет, а все прежде почешется».

Немало пословиц, рисующих грубые семейные и общественные отношения, столь часто освещавшиеся сатириком дореформенной русской жизни: «Ах, ты, бабушка-старушка, напиталась твоя душка — пора умирать», «Свекровь снохе говорила: невестушка! полно молоть, отдохни — потолки», «Сошлись: отец перец, да мать — горчица», «Женился, как на льду обломился». Есть пословицы специально для характеристики грубых феодалных взглядов на женщину: «Где бес не сможет, туда бабу пошлет», «Женина только и тягла: поела да спать легла».

В пословицах писатель искал и находил смелые зарисовки жестоких нравов — самодурства, озорства, драк: «Человек он умный: на пусто не плюет, а все в горшок, да в чашку», «Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду», «Что, за оплеуха, коли не достала уха». Выразительна пословица, рисующая русскую безудержность и удал в пьянстве: «Было время, выпьешь, сколько подымеешь, а нынче — сколько глазом окинешь». Есть пословицы, дающие материал для зарисовки человеческих уродств: «Вот нос — для двух рос, а одному достался». Салтыкова повидимому привлекала пластическая образность пословиц в описании человека, например изумительное по яркости изображение болтуна-оратора: «Рот нараспашку, язык на плечо».

Но пословицы не только своей тематикой и изобразительной четкостью привлекали внимание писателя. Во многих из них он находил применение тех же художественных

«приемов», что он с наибольшей охотой применял в собственной поэтической практике. Ирония, сарказм, юмор, карикатура, гротеск, шарж характерны для литературной манеры Щедрина. Любопытно, что и из отобранных им пословиц многие составлены на тех же основах.

Преобладающий конструктивный принцип в пословицах Щедрина — ирония в различных ее формах. Для пословичного жанра характерна двучленность изречения, при чем в первой части его ирония дается тем тоном, которым пословица произносится, вторая же часть изречения как бы поясняет или раскрывает иронический смысл первой части: «Без тебя, как без рук: и плюнуть не на что» или: «Человек он умный: на пусто не плюнет, а все в горшок да в чашку», «Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду», «И комар лошады повалит, когда медведь пособит», «Сошлись: отец — перец, да мать — горчица», «Еремея потчуют умея: взяв за ворот, да взашею», «Живем богато — со двора покато: чего ни хватись, за всем в люди покатись», «Женна только и тягла: посла да спать легла», «Ах, ты, бабушка-старушка, напиталась твоя душка — пора умирать», «Болит бок девятый год, да не знаю в котором месте».

В других случаях иронический смысл раскрывается не так схематично: иронический смысл сменяется прямым, чтобы вновь уступить место иронии: «Слава богу: пожили на свете, посрамили людей, пора и честь знать».

Иногда ирония пронизывает всю пословицу с начала до конца и ее прямой смысл предлагается вскрывать самостоятельно без подсказки в самом изречении: «Давала убогому холст, а он говорит: толст; так сказали: пощи потоне», или «Возвысил бог куликов род», «Овец не стало, и на коз честь напала».

В пословицах находил Щедрин и выражение сарказма, т. е. иронии негодующей: «Не плачь, козявка! только сок выжму!», «Свекровь снохе говорила: невестушка! полно молоть, отдохни — потолки», «Пили, ели, кудрявчиком звали, а напилсь, наелись — прощай, шелудяк».

Наряду с ироническими пословицами Щедрин вносит в свой список и несколько пословиц юмористических, художественный эффект которых основан на несоответствии серьезного или торжественного тона речи с реальным содержанием ее: «Раздайся, грязь! навоз ползет!», «Генеральской курицы племянник», «Что за оплеуха, коли не достала уха».

Иной раз юмор переплетается с иронией: «Жил семь лет, выжил семь реп, да в тех нет».

Мы приводили уже пословицы, посвященные обрисовке внешних черт человека. В них нельзя не усмотреть гротескности, столь близкой стилю Щедрина и основанной на фантастическом преувеличении и искажении реальной природы того или другого явления: «Вот нос — для двух рос, да одному достался», «Рот нараспашку, язык на плечо».

Дорожить писатель видимо и каламбуром, игрою слов: «Все бы тебе даром да шаром: даром-то и чирей не сядет, а все прежде почешется».

Остро чувствует Щедрин и комический оттенок, приобретаемый той или другой пословицей вследствие неожиданного оборота мысли вместо полагавшегося по пословичной традиции ее хода. «Было время: выпьешь, сколько подынешь...» Тут читатель ждет, что автор пословицы будет противопоставлять доброму старому времени что-либо неприятное, а оказывается, по пословице — теперь можно пить еще больше: «сколько глазом окинешь». В другой пословице на основании ее начала — «Издали ни то, ни се... — ждешь, что вблизи это явление лучше, а пословица поворачивает: «что ближе, то гаже». Тут в обоих этих изречениях мы чувствуем как бы зародыши того пародийного отношения к самому пословичному жанру (в фольклоре такое пародирование фольклорных же жанров — явление нередкое), которое и в зрелой сатире Щедрина станет основным методом истолкования фольклора. Салтыков приводит и более определенную пародийную пословицу (возможно — литературного происхождения, немного в духе будущих прутковских изречений): «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». Как известно, пословицей этой, фигурирующей в качестве подзаголовка в сказке «Вяленая вобла», Щедрин неоднократно пользовался для разоблачения и критики буржуазного либерализма 80-х годов, и теории и практики «малых дел» правого народничества.

Итак сделанная сатириком выборка пословиц и поговорок не случайна. Салтыков явно подбирал подходящий для себя материал, которым он мог бы воспользоваться для своего художественного творчества. Воспользовался ли этим материалом писатель?

Интересно было бы рассмотреть все пословичные и поговорочные изречения в сатирических очерках Щедрина. Такого обстоятельного исследования я произвести не мог, но все же можно установить и теперь, что по крайней мере часть пословиц из рассматриваемого нами списка попала на страницы художественных произведений писателя и была или прямо или в некоторой переработке им использована.

При этом мне представляется неверным предполагать, что Салтыков делал «сводку» пословиц в порядке подготовки к «Губернским очеркам» (такое предположение было высказано Е. Г. Кислицыной). Если бы это было так, то в «Губернских очерках» (1856—1857) мы имели бы хотя одну пословицу из списка. Но этих пословиц в «Губернских очерках» мы не находим. Цитация их начинается лишь с драматического очерка «Утро Хрептюгина» (напечатанного в «Библиотеке для чтения», кн. 2 за 1858 г. и впоследствии включенного в серию «Невинных рассказов»).

В том же 1858 г. он использовал несколько пословиц из своего списка в «Святочном рассказе» (напечатанном в № 1 «Атеней» за этот год и тоже впоследствии вошедшем в сборник «Невинные рассказы») и в 1861 г. одну пословицу («Не плачь, козявка! только сок выжму!») в очерке «К читателю» (в варианте, не вошедшем в печатный текст и опубликованном лишь в настоящей книге, см. стр. 174). Затем на много-много лет эти пословицы исчезают из поля внимания писателя с тем, чтобы через 30 лет войти в очень большом числе в «Пошехонскую старину» (печатавшуюся в «Вестнике Европы» в 10—12 книжках за 1887 г.).

Надо полагать, что список, составленный в конце 1857 г. и тогда же частично использованный, был затем через 30 лет вновь извлечен из писательского портфеля, чтобы сослужить немалую службу в творческой работе писателя над его последним монументальным произведением «Пошехонской стариной».

Наше предположение находит себе полное подтверждение в двух деловых записях Салтыкова, имеющихся на второй странице рукописи списка (см. ее воспроизведение на стр. 412 настоящей книги).

Приводим транскрипцию этих записей. Текст первой из них, сделанной чернилами, таков:

«Должен [Русским] Вед[омостям] — 400 р.

В уплату

З[дравомысл[енный] заяц — 117 р.

Соседи 100 р. 50 к.»

Текст второй записи, сделанной карандашом:

«Пск[овской] Губ[ернии] гор[од] Пирогов.

село Подоклинье Настасье, в усадьбу Настасье

Васильевой Соловьевой или Василью Сидорову

Соловьеву.

Ездил в карете.

21».

Первая запись касается денежных расчетов Салтыкова с редакцией «Русских Ведомостей» и относится к концу мая — началу июня 1885 г. Именно в эти месяцы были напечатаны в газете (в №№ 135 и 149) обе указанные Салтыковым сказки: «Здравомысленный заяц» и «Соседи». В письме к редактору «Русских Ведомостей» В. М. Соболевскому от 17 мая 1885 г. Салтыков писал: «Прикажете, пожалуйста, 400 р. записать на меня долгом и вычесть из них гонорар за «Зайца». А потом и за следующие присылы, если таковые будут» («Неизданные письма», изд. «Academia», М., 1932, стр. 222). Очевидно просьба Салтыкова была Соболевским удовлетворена и по получении от него соответствующего извещения Салтыков записал для памяти свой долг на полях той рукописи, которая в данный момент находилась у него перед глазами.

Вторая запись также несомненно относится к весне 1885 г. Именно в это время Салтыков был занят усиленными хлопотами по подысканию для покупки «подходящего име-

ния», стремясь устроить себе под конец жизни «свой угол», который избавил бы его от утомительных ежегодных поездок за границу на летние месяцы. Из писем Салтыкова известно, что он обращался к ряду своих знакомых с просьбой сообщить ему адреса продаваемых имений. Запись на листе списка и представляет очевидно один из таких адресов, сообщенный Салтыкову возможно тем же Соболевским. (В письме к Соболевскому от 13 мая 1885 г. Салтыков благодарил адресата за получение «справок об имениях».)

Наконец последняя запись — «Ездил в карете» — весьма типична для рукописей Щедрина второй половины 80-х годов. Черновики «Пошехонской старины» имеют на своих полях много аналогичных отметок, относящихся к состоянию здоровья Салтыкова и тому режиму, который он вел по указаниям врачей.

Все эти наблюдения с несомненностью устанавливают тот факт, что в конце мая — начале июня 1885 г. (15 июня Салтыков уехал за границу) Салтыков работал над списком, он лежал у него на письменном столе. Учитывая то обстоятельство, что наибольшее число пословиц списка перешло в 27-ю главу «Пошехонской старины», можно с большой степенью уверенности сделать предположение, что глава эта, по крайней мере в предварительном черновом виде, была написана Салтыковым весной 1885 г. Таким образом записи Салтыкова на списке пословиц оказываются важными и для изучения творческой истории «Пошехонской старины», работать над которой автор начал повидимому задолго до того времени, когда первые главы произведения появились в октябрьской книге «Вестника Европы» за 1887 г.

Как использовал Салтыков пословицы? Вот несколько примеров. Деспотичная помещица ведет разговор с мужем о тихонях-дворовых, воспитывающих в себе дух смирения при помощи веры в возмездие на том свете. В этом видимом смирении чувствуется глубоко запрятанный, но в то же время упорный протест против гнета и насилия, что конечно не могло не раздражать бар.

«— Беда, как этот дух в дворне заведется, — говаривала матушка: — ходят тихони на цыпочках, ровно святые! Ты ему слова не скажи, ни пальцем его не тронь! «Слушаю-с, вся ваша воля», — только и слов... И ни усмешки в лице, ни в голосе повышения... привязаться не к чему! А посмотри на него — всякая жилка у него говорит: «что же, мол, ты не бьешь? — бей! за то в будущем веке отольются кошке мышкены слезки!» Ну, посмотришь, посмотришь, что дело идет своим чередом, — поневоле и остережешься! Потому что расправься-ка с ним, так он расправу-то за награду себе почтет!

— И я, признаться этих тихонь недолюбиваю, — обыкновенно отзывался на эти суждения отец: — тихи-тихи, а что у них на уме — не угадаешь. Строже с них спрашивать надо!

— Как же ты спросишь, когда у него в порядке все, привязаться не к чему!

— Ну, ты найдешь! Была бы спина, а то будет вина! что говорить об этом! (Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина, изд. 5-е Маркса, т. XII, стр. 292).

Есть в «Пошехонской старине», как уже указывалось выше, одна глава (XXVII), в которой сильно сказалось воздействие разбираемого нами листа с пословицами. Зная его, удается несколько проникнуть в лабораторию щедринского творчества. Сатирик дает пронизанную иронией и юмором картину беспечной жизни уездного предводителя Струнникова. Бездельник-помещик, не зная, чем разгонять скуку, придумал себе развлечение в балагурстве бедного мелкопоместного дворянина Корненча Пеструшкина. Воспроизводя балагурную речь этого приживала-шута, Салтыков-Щедрин наполняет ее пословицами, поговорками, в большой мере заимствованными из знакомого нам списка.

«— Эй! водки, да вчерашней телятины на закуску нарежьте! Садись, гость будешь! Как дела?»

— Дела, как следует. Вот теперь лето, запасаемся всякого нета, а зимой будем жить богато, со двора покато.

— Ври больше. У самого сусеки от зерна ломаются, а он аллилуйю поет!..»

Несколькими строками дальше:

«— Сказывай, где был-побывал?»

— Ах, благодетель! бедняк что муха: где забор—там и двор, где щель,—там и постель. Брожу, куда ноги носят: у Затрапезных побывал.

— Эх тебя нелегкая за семь верст киселя хлебать носила!

— И то сказать... Анна Павловна с тем и встретила: «без тебя, как без рук: и плюнуть не на что! людям, говорят, дыхнуть некогда, а он по гостям шляется».

На пословицах построена Салтыковым разыгрываемая Пеструшкиным и Струнниковым «комедия».

«Комедия» — любимое развлечение Струнникова, ради которого, собственно говоря, он и прикармливает Корнейча. Собеседники удаляются в кабинет, Федор Васильевич усаживается в покойное кресло; Корнейч становится против него в позитуру. Обязанность его заключается в том, чтобы отвечать на вопросы, предлагаемые гостеприимным хозяином. Собеседования эти повторяются изо дня в день в одних и тех же формах, с одним и тем же содержанием, но не заметно, чтобы частое их повторение прискучило участникам.

— Сказывай, каков ты есть человек?—вопрашает Струнников...

— Человек божий, обшит кожей, покрыт рогожей. Издали ни то, ни се, а что ближе, то гаже.

— Правду сказал! Отчего у тебя такой нос, что смотреть тошно?

— Мой нос для двух рос — одному достался. А равным образом и от пьянства.

— И это правда. Зачем ты бороду отрастил?

— Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду...

Наскучив комедию, Струнников велит Корнейчу плясать.

— Еще полтора часа до обеда остается — пропадешь от скуки! Пляши!

— Рад бы плясать, да не могу, благодетель! ноги не служат. Было время, плясывал я. Плясал, плясал да и доплясался.

— Чего доплясался! Все то ты, старый пес, клянчишь! Какого тебе еще рожна нужно!

— Оно конечно... Чужую беду руками разведу... Да ведь и другая пословица на этот предмет есть: беда не дуда — станешь дуть, слезы идут. Вот оно, сударь, что» (стр. 399).

И еще раз в той же XXVII главе вспоминает Салтыков о своем листке пословиц. Описывается игра в карты Струнникова с женою. Он выигрывает несколько раз подряд. Жена недовольна. Оставшись несколько раз сряду дурой, она с сердцем бросает карты и уходит из комнаты, говоря:

«— Вот уж правду пословица говорит: «дурак спит, а счастье у него в головах стоит». Не хочу играть!»

В главе XX выразительную пословицу «Что за оплеуха, коли не достала уха» писатель вкладывает в уста беспшашного оброчного парня Ивана Макарова, по прозванию Ванька-Каин, за свои смелые разговоры и независимое отношение к господам забритый барынею в солдаты.

По всему видно, что пословицы не только служили дополнительным материалом художнику для характеристики того или другого персонажа, но, как это нетрудно усмотреть из «комедии», разыгрывавшейся Пеструшкиным и Струнниковым, давали толчок к созданию писателем фабульной ситуации.

Салтыков прибегает к помощи народных пословиц очень часто. Произведения его содержат их многие десятки, если не сотни. Исследование художественной функции пословиц и поговорок в творчестве сатирика необходимо произвести во всей полноте, но в настоящей заметке нам важно лишь обратить внимание литературоведов на органическую связь найденных в рукописном наследии писателя сырых фольклорных материалов с его художественным творчеством.

Помимо пословиц среди фольклорных материалов Салтыкова-Щедрина имеется еще сделанная им собственноручно запись одного духовного стиха.

Запись находится в обширной еще не изданной рецензии Салтыкова, датируемой 1856—1857 гг., на книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы афонския инока Парфения. В 4-х частях. Издание второе с исправлениями. Москва» (Рукопись хранится в архиве ИРЛИ Академии Наук). Приводим эту запись:

Восплачется млад юноша пред пустынею стоя:
 Прекрасная пустыня, любимая маги!
 Прими мя, пустыня, яко чада, на руже!
 Научи мя, пустыня, волю Божию творити,
 Избави мя, пустыня, злые превечные муки;
 Введи мя, пустыня, в небесное царство!
 Пророчит мати пустыня архангельским гласом:
 Ты млады юношь, Асафей царевич!
 У меня во пустыни много нужи прияти,
 У меня во пустыни постом попоститися,
 У меня во пустыни скорбя поскорбети,
 У меня во пустыни терпя потерпети!
 Ответ держит млад-юноша Астафей-царевич:
 Прекрасная пустыня, любимая мати!
 Не страши мя, пустыня, превеликими страстями
 Могу я, пустыня, много нужи прияти;
 Могу я в тебе, пустыня, постом попоститися;
 Могу я в тебе, пустыня, трудом потрудитися;
 Могу я в тебе, пустыня, скорбя поскорбети:;
 Могу я в тебе, пустыня, терпя потерпети.
 Пророчит мати пустыня архангельским гласом:
 Ты млады юношь, Асафей царевич!
 У меня во пустыни негде погуляти;
 У меня во пустыни не на что посмотретьи;
 У меня по пустыни не с кем слово говорити;
 У меня во пустыни нет сладкого бражна;
 У меня во пустыни нет медвяного пойла.
 Ответ держит млад юноша, Асафей-царевич.
 Прекрасная пустыня, любимая моя мати!
 Не спраши мя, пустыня, превеликими срахами;
 Разгуляюсь я во пустыни во зеленой во дуброве;
 Насмотрюся я во пустыни на различные света,
 Со мной будут говорить все райские птицы;
 А стану я носить черную ризу;
 А стану я питатися гнилою колодою,
 А стану я пить болотную воду...
 Тебя, мати пустыня, вси ангелы знают;
 Тебя, мати пустыня, пророцы прославляют;
 Тебя, мати пустыня, ангелы хвалят;
 Тебя, мати пустыня, преподобные ублажают;
 Тебя, мати пустыня, Предотеча воспевае.
 У тебе, мати пустыня, Господь на престоле
 С херувимы и с серафимы с преподобною силою.

В данном случае работа исследователя-комментатора облегчена собственным точным указанием писателя, что запись действительно произведена им лично, но, надо думать, что и на этот раз не из народных уст, а скорее всего с какой-либо рукописи, так как Салтыков пишет: «Мы имели случай видеть в Нижегородской губернии другой вариант этого замечательного стиха. Считаю нелишним познакомить с ним здесь читателя. Озаглавлен он просто: стих Асафа царевича». Подчеркнутые нами слова

вне сомнения указывают на то, что Салтыков данный духовный стих читал, а не слышал, и что перед стихом, как это часто бывает в старых рукописных тетрадах, имелось заглавие.

Знакомясь по своим служебным обязанностям с жизнью патриархального купечества и крестьянства, в частности старообрядцев, Салтыков не мог не рассматривать имевшихся у них в больших количествах рукописей со стихами. «Стих об Асафе царевиче, в пустыню входяща», как он развернуто озаглавливается во многих списках, имел большую популярность в глухих захолустьях Нижегородского края, полного в то время всяческими скитами и «пустынями».

Вариант, списанный Салтыковым, как удалось мне установить, относится к распространенной редакции этого стиха, по своей структуре довольно полный; наиболее близко подходит он к тексту, записанному С. П. Шевыревым в Вяземах, Московской губ. и впоследствии напечатанному Бессоновым в первом томе его «Калик переходжик» (М., 1861) за № 55².

«Стих об Асафе» произвел повидимому большое впечатление на Салтыкова-Щедрина. В нем он видел выражение того народного аскетизма, сущность которого он стремился раскрыть. Приведенный стих, как и ряд других почерпнутых Салтыковым из напечатанного в 1848 г. сборника духовных стихов, озаглавленного как 1-я часть «Русских народных песен, собранных Петром Киреевским» (в «Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских»), был использован дважды: в «Губернских очерках» и указанной статье-рецензии на книгу инок Парфения «Сказание о странствии и путешествии».

ПРИМЕЧАНИЯ

Именно, пословица «Пиши, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк» (у Салтыкова-Щедрина) в буслаевском тексте дана в таком виде: «Пиши, ели, Кудрявчиком называли, а попили, поели — прощай, шелудяк» и пословица, начинающаяся у С. Щ. «Человек он умный», у Буслаева приведена «Он человек умный».

² О различных редакциях и истории этого поэтического духовного стиха см. работы: А. И. Кирпичникова — статью о духовных стихах в «Истории русской словесности» Галахова, 2-е изд., М., 1880, стр. 234—237; Ю. М. Соколова «К истории духовного стиха», Разговор Иосафа, с пустыней» («Русский Филологический Вестник» 1910, кн. 3—4); А. П. Кадлубовского «К истории духовного стиха» у Варлааме и Иосафе» (там же, 1915, № 2).

³ Как уже указывалось, рецензия эта до сих пор остается неизданной (рукопись хранится в ИРЛИ). Считаем не лишним поэтому кратко ознакомить читателя с содержанием документа.

Рецензия производит впечатление какой-то неясности, спутанности мыслей автора, включает в себе немало противоречивостей. Салтыков-Щедрин, как и в «Губернских очерках», размышляет в ней о сущности религиозных народных настроений, об народных аскетических идеалах, о выражении их как в православной, так и в старообрядческой и сектантской среде. В этом пристальном внимании к религиозной идеологии нельзя не видеть известного из биографии Салтыкова кратковременного уклона в сторону славянофильства. Но в то же время в статье заметна еще в большей степени задача побороть в себе это славянофильство. Начало и конец заострены против славянофильского тезиса о «религиозном» или, как выражается Салтыков, «аскетическом начале» общественной жизни.

Основываясь на изучении произведений устного творчества крестьянского, именно духовных стихов, а также на исторических сочинениях по истории религиозной жизни русского народа, Салтыков, с одной стороны, раскрывает перед читателем тот идейный мрак, куда завело бы осуществление этого славянофильского «аскетического начала», но, с другой стороны, не может занять еще в этой ранней статье более четкой и вполне реалистической позиции по отношению к религии вообще. Он пытается различить, как это делал и в «Губернских очерках», разные виды применения религии к самой реальной жизни, он отмечает религию по глубокому убеждению и религию, основанную на невежестве и доверчивости темных масс, и использование религии в грубо эгоистических и эксплуататорских целях, однако, резко обрушиваясь на всевозможные проявления аскетизма и религиозного изуверства, Салтыков-Щедрин слишком большой упор делает на моментах искреннего религиозного убеждения, на религии не фанатической, а гуманизированной. Впадая в такую идеализацию религиозного чувства и религиозной идеологии, например в идеализацию религиозных настроений в духе например Парфения Салтыков-Щедрин неми-

нуемо должен впадать и в постоянные противоречия с самим собою. Кроме того условия литературной жизни того времени, особая цензурная строгость при обсуждении в печати вопросов религии заставляют Салтыкова-Щедрина пересыпать свое изложение всяческими почтительностями по адресу церковных авторов, прибегая к очень стесняющей маскировке.

Нам думается, что рецензия Салтыкова на «Сказания» Парфения оттого осталась в рукописи, не попав в печать, что повидимому сам автор ее убедился в своей неудаче. От него не могла в конце концов укрыться внутренняя противоречивость статьи: задача борьбы с «аскетическим началом» славянофильской школы ослаблена была половинчатостью позиции Салтыкова-Щедрина этого периода в отношении к религии вообще, а самая форма изложения — с опромным количеством цитат из книжных и устных произведений, которые должны показывать нелепость аскетизма, но с вынужденными комплиментами в сторону церковных властей и церковных писателей — не довела бы основных мыслей автора до широкого читателя.

Салтыков-Щедрин, почувствовав повидимому свою неудачу, так и забросил статью, даже не дописав ее до конца. Но несмотря на это, статья его имеет большое значение для каждого, кто интересуется историей его мировоззрения. Она интересна и тем, как Салтыков-Щедрин, подобно другим писателям его времени, ценил произведения фольклора, справедливо видя в них важный исторический источник при изучении идеологии и настроений широких народных масс.